

Ю. С. Ползунова
Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург

«ВОДЫ МНОГИЕ» И. А. БУНИНА КАК ПАЛОМНИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ¹

***Аннотация:** В статье проводится анализ произведения И. А. Бунина «Воды многие». Уточняется жанровая специфика художественного текста, выявляются связи с жанром паломнического путешествия. Параллельно сюжету путешествия на Цейлон развивается сюжет духовного пути героя, который, отталкиваясь от собственных ощущений через переживание общечеловеческого опыта, в отрыве от национальных и исторических условий, приходит к осознанию присутствия Бога над всем, что существует в мире. Анализ дополняется рассмотрением символики, связанной с духовным преображением героя.*

***Ключевые слова:** жанр, паломничество, мировоззрение, Бунин, символика, духовная литература.*

И. А. Бунин обладал особым космическим мироощущением. О. В. Сливицкая подразумевает под этим определением способность чувствовать мир в единстве его противоположностей – способность переживать «органическое единство упоения жизнью и ужас перед заброшенностью человека в космос» [Сливицкая, с. 54]. В книге «Воды многие», написанной в виде путевых дневников, наиболее ярко отразилась эта особенность бунинского мироощущения. Кроме того, в этом произведении герой-повествователь пытается достичь предельного чувства свободы, «стремится выйти за пределы культурного пространства в сферу священного, Божественного» [Пращерук, с. 102], что также выделяет эту новеллу из ряда других произведений писателя.

Цикл путевых дневников «Воды многие» был опубликован в 1925–1926 годах по впечатлениям от поездки Бунина на Цейлон в 1911 году. Накануне

¹ Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора кафедры русской и зарубежной литературы Уральского федерального университета Натальи Викторовны Пращерук.

он пишет: «Маршрут мой приблизительно таков: отсюда еду в Порт-Саид, оттуда в Египет, где пробуду больше месяца. К тому времени прибудет следующий пароход Добровольного Флота, на котором поеду в Луксор, Ассуан. Быть может, заеду также в Нубию. Оттуда вернусь в Порт-Саид и направлюсь на остров Цейлон, где пробуду месяц. Затем в маршрут входят Индия, Сингапур и, как конечный пункт, Нагасаки. Из Японии вернусь обратно в Россию. В пути я буду делать заметки и путевые впечатления, вероятно, послужат материалом для особого труда» [цит. по: Бабореко, с. 152–153].

Произведение представляет собой 17 путевых очерков, записанных по дням с указаниями места пребывания. Целью путешествия является Цейлон – место, где, согласно преданиям, располагался вход в рай: «Южный крест на юге, в большом пространстве почти пустого неба. Смотрел на него и вдруг вспомнил, что у Данте сказано: “Южный крест освещает преддверие рая”» [Бунин, с. 460]. Следовательно, путешествие героя является своего рода паломничеством к святым местам, таким образом, продолжая сюжет цикла путевых очерков «Тень птицы», опубликованного в 1910–1911 гг. и посвященного путешествию на Ближний Восток, в места жизни Христа. В этом рассмотрении произведения Бунина, посвященные путешествиям, сближаются с таким жанром духовной литературы, как паломническое путешествие. Особенностью этого жанра является духовное преображение героя и описание опыта молитвенного созерцания. Произведение «Воды многие» если не посвящено, то обращено к Богу и написано под его знаком. Название и эпиграф отсылают нас к тексту Псалтири: «Глас Господень над водами; Бог славы возгремел, Господь над водами многими» [Пс 28: 3, с. 78]. В художественном произведении встречаются фрагменты, относящиеся к жанру молитвы: «Жизнь моя – трепетное и радостное причастие вечному и временному, близкому и далекому, всем векам и странам, жизни всего бывшего и сущего на этой земле, столь любимой мною. Продли, Боже, сроки мои!» [Бунин, с. 450]. Книга завершается словами: «Спокойным и предвечным веселием веселится светлая ночь Твоя. – Как мне благодарить Тебя?» [Там же, с. 470].

Хронотоп, свойственный жанру паломничества, как правило, совмещает в себе «реальное, историческое и библейское время-пространство» [Александрова-Осокина, с. 19]. Книга «Воды многие», в отличие от цикла очерков

«Тень птицы», обращена к ветхозаветному тексту. Цитаты из Библии, текст синайских заповедей становятся структурообразующими элементами произведения. Увиденное героем в путешествии является лишь отправной точкой для познания мира и путешествия в глубины собственной души. Так, образ горы Синай пробуждает в сознании повествователя размышления о синайских заповедях и об их значении в истории человечества: «Разве это гора как все горы на земле? Несчетные мириады тех, что рождались на земле в течение этих тысячелетий, узнавали о нем с младенчества, на первом пороге жизни, и до гроба жили под властью того, что заповедано на нем, на Синае» [Бунин, с. 451], «“Чти отца и мать твою” – что, казалось бы, может быть проще и беднее этих слов? А меж тем скорее солнце сойдет с своего пути, чем потеряют они свою повелительную силу и свою святость...» [Там же, с. 453]. Герой воссоздает значение известных заповедей, словно заново переживая их, воспринимает их как уникальное явление. Эти размышления, вызванные прикосновением к древнейшим архаическим законам, позволяют герою приобщиться к бесконечному, вневременному: «Пастушеской простотой звучат они, но в простоте-то и вечность их, подобная вечности вот этого неба (простого синееющего воздуха), вот этой земли (простых песков и камня)» [Там же, с. 452]. Образ Синая, вызвавший размышления о заповедях, приводит повествователя в восторг перед ощущением громады мира, в котором все имеет свое значение и тесную связь. Подобное ощущение преобладает в первой половине цикла путевых дневников.

По словам исследователя, особым значением в художественном пространстве паломничества наделяется «райский» топос [Александрова-Осокина, с. 19]. Мы находим тому подтверждение в произведении Бунина: «Земля, рай все ближе – всю ночь облака, всю ночь луна сияет между ними, серебром озаряя их края» [Бунин, с. 469]. Цель путешествия героя – посещение острова Цейлон, являющегося своеобразным символомрая. С темойрая в библейском тексте тесно связан и сюжет о грехопадении, об обретении человеком своего конца, осознании смерти. Эта тема также чрезвычайно важна в книге «Воды многие».

Наряду с ощущением радости жизни, восхищением ее многообразием повествователя беспокоит чувство тревоги о том, что эта жизнь может быть отнята: «Поминутно думаю: что за странная и страшная вещь наше

существование – каждую секунду зависишь на волоске! Вот я жив, здоров, а кто знает, что будет через секунду с моим сердцем, которое, как и всякое человеческое сердце, есть нечто такое, чему нет равного во всем творении по таинственности и тонкости? И на таком же волоске висит и мое счастье, спокойствие, то есть жизнь, здоровье всех, кого я люблю, кем дорожу даже гораздо больше, чем самим собою... За что и зачем все это?» [Там же, с. 461]. Подобное ощущение охватывает героя на корабле при виде быка, которого наутро должны убить: «Даже в смерть быка отказывается верить сердце... <...> Он должен умереть, чтобы я мог жить, продолжать видеть прекрасные ночи – и думать о его судьбе, дивиться ей... Всю жизнь суждено мне дивиться чуть не каждую минуту, ничего не понимать и смирять себя: значит так надо» [Там же, с. 464]. Упоение жизнью, восхищение миром сталкивается в сознании героя с чувством трагизма человеческого существования. Человек в мире не защищен и обречен на смерть. В осознании смерти обесценивается все ранее привычное. Так, разговоры о политике среди членов экипажа герой называет «суею сует», а впоследствии выкидывает за борт книги, представляющие собой символ книжной культуры: «Как смешно преувеличивают люди, принадлежащие к крохотному литературному миру, его значение для той обыденной жизни, которой живет огромный человеческий мир, справедливо знающий только Библию, Коран, Веды!» [Там же, с. 462]. Ощущение ужаса перед конечностью жизни неотделимо от восторга перед ней – два полюса, которые сопрягает Бунин в своем творчестве. В книге «Воды многие» расстояние между этими полюсами особенно велико – это жизнь всего человечества, существование человека вообще, вне принадлежности к какой бы то ни было национальности и эпохе. Это максимально широкий взгляд на мир и место человека в нем.

По прибытии в Джибути герой наблюдает за местными жителями: «Это были сомалии, о которых говорят, что они еще и теперь не прочь от людоедства <...> я смотрел на их наготу и испытывал какое-то странное, даже как будто стыдное, райское (да, истинно райское) чувство» [Там же, с. 459]. Наблюдение за людьми, ведущими почти дикий образ жизни, не только не отталкивает героя, но напротив – пробуждает в нем мысли о единстве всего человеческого: «Дальше – пески, полная пустыня, табор сомалиек, живущих уже совсем по-своему, с первобытной дикостью. Шатры, козы, голые черные

дети и, конечно, опять нечистоты... Мерзко? Нет, страшно по первобытности, по древности, а раз так, чувства пробуждаются совсем иные, высокого, почти жуткого порядка. <...> В этом грязном человеческом гнезде, среди первозданной пустыни, тысячелетиями длятся рождения и смерти, страсти, радости, страдания... Зачем? Без некоего смысла быть и длиться это не может» [Там же, с. 460]. Выход из этого трагического положения человека повествователь находит в Божественной воле, которую человек не в силах познать. Отсюда и эпиграф: «Господь над водами многими...».

Таким образом, книга Бунина – это не только описание реального пространства тех мест, где побывал герой, но и его путь от личного к всечеловеческому, от его собственных переживаний к ощущению присутствия Бога над всем, что существует в мире: «И я был в страшной и сладкой близости Твоей, и безгранична моя любовь к Тебе, и крепка вера в родимое, отчее лоно Твое!» [Там же, с. 470]. Герой достигает цели своего путешествия, того легендарного места, где, по преданиям, располагается рай, но одновременно он находит рай в своей собственной душе, проходя путь к Богу через восхищение жизнью, а затем через осознание ужаса ее конца.

Мировоззрение Бунина невозможно рассматривать в отрыве от его произведений. Его мироощущение чаще воплощается в образах, нежели в виде лирических отступлений и размышлений. Художественный мир произведения «Воды многие» глубоко символичен, в нем нашли отражения такие черты бунинского стиля, как артистичность, предметная изобразительность, цветопись. Литературовед О. В. Сливицкая пишет: «У Бунина особо выражено “сущностное единство” категорий формальных и содержательных. Поэтому сквозь малый элемент формы у него виден громадный мир целого» [Сливицкая, с. 33]. Так и в произведении «Воды многие» духовный путь героя находит свое отражение в символике.

Безусловно, главным символом является океан, связанный с ощущением безграничной свободы, отсутствия временных границ, с образом вечности. В самом первом очерке, когда герой входит в свою каюту, появляются предметы, символизирующие связь героя с домом, воплощающие личное, индивидуальное начало героя – это «суздальская древняя иконка в почерневшем серебряном окладе..., связующая меня нежной и благоговеющей связью с моим родом, с миром, где моя колыбель, мое детство» [Бунин, с. 450].

Икона также становится символом начала жизни героя, его детства. Еще одним символом частного становится «электрическая лампа под зеленым колпаком», свет которой вызывает у героя ощущение мира и покоя.

Далее появляется образ горы Синай, символизирующей неизбежность связи миллионов людей, почитающих заповеди, данные Богом на Синае. Морская стихия, безграничное водное пространство, не только связывается в сознании героя с образом свободы и бесконечности, но и вызывает у него чувство ужаса перед незащищенностью человека, его обреченности: «глядел с палубы в пустой простор этих “вод многих”, со всех сторон безответно объемлющих нас, все с тем же вопросом в душе: за что и зачем?» [Там же, с. 461]. Особое значение имеет в произведении символика звездного неба. Звезды для Бунина – всегда символ вечности, но в тексте «Воды многие», на наш взгляд, было бы интересно отдельно рассмотреть символику созвездий, попавших в поле зрения героя. В частности, Южный крест здесь является символом рая, предельной близости к Богу. Так в произведении Бунина авторская символика воплощает духовный путь героя-повествователя от индивидуального начала – суздальская икона – через обращение к общекультурным законам – синайским заповедям – через общечеловеческое представление о смерти – к осознанию Божественной воли, царящей над «водами многими».

Список литературы

Александрова-Осокина О. Н. Художественная картина мира в паломнической прозе 1800–1860-х гг.: священное пространство, история, человек : автореф. дис. ... дра филол. наук. – М., 2014. – 51 с.

Бабореко А. К. И. А. Бунин: Материалы для биографии. – М.: Худож. лит., 1983. – 351 с.

Бунин И. А. Воды многие // Бунин И. А. Собр. соч.: в 6 т. Т. 4. – М., 1988. – С. 449–470.

Пращерук Н. В. Проза И. А. Бунина как художественно-философский феномен : учеб.-метод. пособие. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. – 231 с.
Псалтирь. – М.: Лепта, 2009. – 447 с.

Сливицкая О. В. «Повышенное чувство жизни»: Мир Ивана Бунина. – М.: РГГУ, 2004. – 270 с.